

Научные чтения к 80-летию В. А. Дыбо
Москва, РГГУ, 5 мая 2011 г.

5 мая в РГГУ, по инициативе Центра компаративистики Института восточных культур и античности, состоялись научные чтения в честь 80-летия директора Центра, чл.-кор. РАН, проф. В. А. Дыбо. Конференция началась с поздравлений юбиляру от присутствующих; также было зачитано обращение проректора РГГУ по науке Д. П. Бака. После торжественной части участниками чтений был прочитан ряд докладов, в основном посвященных темам, относящимся к непосредственной сфере интересов Владимира Антоновича.

Содержательная часть началась с доклада А. В. Тер-Аванесовой, посвященного счетной форме непроизводных существительных в говорах Пинеги и Выи. В этих говорах счетная форма у непроизводных существительных с подвижным ударением, которая отличается от всех прочих форм парадигмы местом ударения (сч. *рядá* – р. ед. *рýда*) представлена у значительно большего числа слов, чем в литературном русском языке. Так, в говоре дд. Тинева, Заяцово, Гаврилово такая форма имеется у 20 слов. Это акцентационное различие форм сч. и р. ед. в выйском и пинежском говорах не может быть выведено из праславянской системы ударения. Нафлексионное ударение сч. восходит к старому нафлексионному ударению р. ед., что может указывать на в прошлом колонное нафлексионное ударение в парадигме хотя бы части перечисленных слов муж. рода.

Доклад М. В. Ослона также был посвящен акцентологии. В нем было рассказано о сложной проблеме распределения дифтонгов *ei* ~ *ie* в литовском языке. Для описания был выбран фрагмент системы, где автору, по его утверждению, удалось найти закономерность — глаголы на *-ti -ja*. Сегодня большинство из них циркумфлектирано, но исконный акут чаще всего сохраняется в соответствующих глаголах на *-éti -i (-éja)*, причём видно, что корни с дифтонгом *ei* акутированы, а с дифтонгом *ie* — циркумфлектираны или безударны (т. е. ударение стоит на *-éja*). Приводятся доказательства того, что **ei* сохраняется в первично доминантном акутированном (или вторично доминантном по метатонии «акут > циркумфлекс») слоге перед доминантным (в т. ч. вторично-доминантным) слогом.

Доклад О. А. Мудрака был посвящен системе акцентуации в старочувашском памятнике 18 века. Сам памятник «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» был издан в 1769 году и представляет собой краткое грамматическое описание основных частей речи с парадигмами, а также содержит объемный словарь, ориентированный на список Миллера. По комплексным данным за основу описания был положен верховой диалект с говором Вурнарского типа (возможно, родном для автора). Для ударения используются знаки акут (на не последнем слоге) и гравис (на последнем слоге), причем иногда на последнем слоге вместо ожидаемого грависа используется акут. Эти исключения относятся к двум группам: в первом случае акут появляется в случае, если слово имело конечный редуцированный, который в настоящее время отпал, во втором же случае никакой связи между конечным редуцированным и акутом нет, но все эти слова соответствуют словам с пратюркской долготой. Важно отметить, что ранее считалось, что в чувашском, за исключением развития пратюркских *o и *ö, долготные рефлексы отсутствовали.

Доклад А. Касьяна был посвящен сходствиям в базисной лексике между хурритским и нахскими языками. Основным выводом доклада является то, что хуррито-урартская группа языков не обнаруживает специфического сходства с языками восточной ветви севернокавказской языковой семьи, хотя сама идея, что сходство между ними должно быть, весьма логична с точки зрения географического распространения и времени существования, а также исходя из некоторого типологического сходства данных групп. Кроме того, вообще количество изоглосс между этими двумя группами крайне низко. При этом, однако, в хурритской базисной лексике удается обнаружить три слова ('слышать', 'дым' и 'два'), которые обнаруживают сходство со словами из пранахского списка, причем важно отметить, что соответствующие пранахские слова не имеют хорошей севернокавказской этимологии. В этой ситуации возможны три сценария: (а) хуррито-урартский обладает специфическим родством с пранахским языком (при том,

что как было указано выше, х.-у. не обладает специфическим родством с севернокавказским), (б) эти изоглоссы заимствованы в указанные языковые группы независимо из некоего неизвестного языка (что требует допущения существования этноса, который при столь значительном влиянии на окружающие языки не оставил никаких других следов), и, наконец, что эти слова были заимствованы в пранахский из хурритского.

Проблемам, связанным с лексикостатистикой, был также посвящен доклад Г. С. Старостина «Как «вычислить» субстрат лексикостатистическими методами? (на материале сурмийских языков)». В рамках доклада на примере языка квегу было показано, что в некоторых случаях, исходя из структуры лексикостатистической матрицы, можно предполагать, что заниженное по сравнению с ожидаемым число схождений может быть обусловлено заимствованиями из каких-то неизвестных источников. В отношении языка квегу, надежно определяемого как юговосточносурмийский, было показано, что он демонстрирует значительно меньший процент схождений с югозападносурмийскими языками, чем другие юговосточносурмийские (квегу — 26–27%, чай и ме’ен — ок. 40% с языками югозападносурмийской группы). При этом про язык квегу известно, что в нем много заимствований, и после работы по этимологизации южно-

сурмийских стословных списков было выявлено большое количество слов квегу, которые не имеют никакой южносурмийской этимологии. Исходя из этого, был проведен опыт, в рамках которого все такие слова были предположительно отнесены к заимствованной лексике (которая не учитывается при глоттохронологических подсчетах), после чего лексикостатистическая матрица приобрела нормальный вид (за вычетом заимствований сходство между квегу и югозападносурмийскими составило ок. 39%, что сопоставимо с показаниями остальных юговосточносурмийских языков).

Доклад М. А. Живлова «Вокализм второго слога в уральских: можно ли принять традиционную реконструкцию?» был посвящен развитию гласных второго слога от прафинноугорского к прибалтийско-финскому состоянию в тех случаях, которые не находили должного объяснения в традиционной реконструкции (развития ФУ *CāCā > ПФ *CaCe, ФУ *CoCa > ПФ *CaCe, ФУ *CoCa > ПФ *CōCe). Было показано, что все эти особые развития имеют параллели в обско-угорском. Так, ФУ *CoCe > ОУ краткие гласные *e, *a (после лабиальных), ФУ *CoCa > ОУ долгие гласные *ē, *ō, а ФУ *CoCa = ПФ *CaCe, *CōCe — ОУ краткие гласные *e, *a. В результате выявленных соотношений автором предлагается для этих случаев восстанавливать в ПФУ основы с гласным *o* второго слога.